

СЕРИЯ

“ЧУЖЕСТРАНЦЫ”

НАТАЛЬЯ ГРОМОВА

Потусторонний — друг —

История любви Льва Шестова
и Варвары Малахиевой-Мирович
в письмах и документах

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Чужестранцы

Наталья Громова

**Потусторонний друг. История
любви Льва Шестова и
Варвары Малахиевой-Мирович
в письмах и документах**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1.09+1(47)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8+87.3(2)

Громова Н. А.

Потусторонний друг. История любви Льва Шестова и Варвары Малахиевой-Мирович в письмах и документах / Н. А. Громова — «Издательство АСТ», 2021 — (Чужестранцы)

ISBN 978-5-17-139109-6

Роман философа Льва Шестова и поэтессы Варвары Малахиевой-Мирович протекал в мире литературы – беседы о Шекспире, Канте, Ницше и Достоевском – и так и остался в письмах друг к другу. История любви к Варваре Григорьевне, трудные отношения с ее сестрой Анастасией становятся своеобразным прологом к «философии трагедии» Шестова и проливают свет на то, что подвигло его к экзистенциализму, – именно об этом белом пятне в биографии философа и рассказывает историк и прозаик Наталья Громова в новой книге «Потусторонний друг». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1.09+1(47)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8+87.3(2)

ISBN 978-5-17-139109-6

© Громова Н. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Потусторонний друг	7
Небольшое вступление	7
Киев, лето 1895 года	9
Переверзовка, лето 1895 года	15
Осень 1895 года	18
Настя. Зима 1895–1896 годов	23
Бегство	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Громова

Потусторонний друг. История любви Льва Шестова и Варвары Малахиевой- Мирович в письмах и документах

Художник Андрей Бондаренко

В книге использованы изображения из личного архива Ан Лоран, семьи Шаховских-Шик, а также Рукописного отдела ИРЛИ РАН. Автор и “Редакция Елены Шубиной” благодарят за предоставленные фото

© Громова Н.А.

© Бондаренко А.Л., художественное оформление, 2021

© Домашний архив Шаховских-Шик

© ООО “Издательство АСТ”, 2021

Эта книга не могла бы появиться на свет, если бы Иван Дмитриевич и Наталья Дмитриевна Шаховские, а также Елена Старостенкова-Шик не предоставили мне возможность воспользоваться архивом Дмитрия Михайловича Шаховского, где были обнаружены письма Льва Шестова Варваре Малахиевой-Мирович и письма Малахиевой-Мирович Леонилле Тарасовой.

Она не могла бы состояться без кропотливой работы Галины Петровны Мельник по расшифровке писем Льва Шестова и Варвары Малахиевой-Мирович и ее деятельного участия в сохранении памяти о Варваре Григорьевне.

Без огромной помощи и содействия Ксении Ворожихиной – сотрудника Института философии РАН – в исследовании газет, в которых печатались Лев Шестов, Варвара и Анастасия Мирович.

Очень ценным было участие внучатых племянниц Льва Шестова – Ан Лоран (Париж) и Татьяны Балаховской. Именно благодаря их помощи удалось попасть в библиотеку Сорбонны и дополнить книгу редкими документами.

Я хотела бы выразить особую благодарность филологу Александру Соболеву, опубликовавшему в своем ЖЖ очерк об Анастасии Мирович, которым мы с его разрешения воспользовались в этой книге.

И моя огромная благодарность Елене Лурье, моему другу и помощнику, с которой мы мучительно разбирали неясные места в письмах Льва Исааковича Шестова, а также моему мужу Борису Белкину, оказавшему помощь в переводах текстов с французского языка.

Основной корпус документов цитируется по материалам из библиотеки Сорбонны (*Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Léon Chestov*) и книге Н.Л. Барановой-Шестовой, а также по дневникам и письмам из архива В.Г. Малахиевой-Мирович, хранящимся в рукописном отделе Дома-музея Марины Цветаевой (ДМЦ)¹. Письма Шестова принадлежат семейному архиву Шаховских-Шик.

Орфография и пунктуация оригинала сохранена.

¹ Когда мы работали над предыдущим изданием дневников Варвары Григорьевны Малахиевой-Мирович, то еще не были ознакомлены с ее ранними письмами, в которых указана настоящая фамилия семьи – не Малахиевы, а Малафеевы, – поэтому в указателе к книге “Маятник жизни моей” (М.: Редакция Елены Шубиной. 2015) все родственники указаны как Малахиевы. Новые находки позволяют исправить прежние неточности. *Здесь и далее примеч. Н. Громовой (если не указано другое).*

Наталья Громова

Потусторонний друг История любви Льва Шестова и Варвары Малахиевой-Мирович

Он боялся жизни. О, не за себя! О себе он точно забыл, когда взял первый попавшийся жребий личного устройства, пережив “крушение своих наваждений”. Он боялся жизни за всех людей – прошедших, настоящих и будущих, за общий всем жребий ничтожества, страдания, смерти и темноты загробных судеб. Он как бы поднял на свои плечи ту ночь короля Лира (недаром Шекспир был так близок ему), когда под рев степной бури, под грохот грозы Лир говорит: “Нет виноватых. Я заступлюсь за всех”. О смерти же он не раз говорил: “Это последний и, может быть, самый верный шанс узнать, бессмертны мы или нет”. И еще: “Если бы оказалось, что за смертью нас ничего не ждет, что нет ни Бога, ни бессмертия души – не стоило бы после этого жить ни одной минуты”².

Из дневника Варвары Малахиевой-Мирович

*Претерпевший же до конца, спасется...
Мф. 24:13*

Небольшое вступление

Большие и маленькие потертые тетради и блокноты. Желтая, белая бумага с выцветшими чернилами. Иногда обведенные кем-то целые страницы текста. В некоторых тетрадях – абзацы или имена, густо зачеркнутые синим. На форзаце каждого дневника, который я держала в руках, было выведено: “Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович”, год рождения и год смерти (1869–1954) и номер.

Варвара Григорьевна начала вести эти дневники в 1930 году, а закончила за два месяца до своего ухода в 1954-м. Назвала их “О преходящем и вечном”.

159 тетрадей были сложены в четыре картонные коробки. Около семи лет ушло на то, чтобы расшифровать записи, выделяя только самое ценное. Опубликовать все было просто невозможно, они составили бы не одну книгу с большим количеством повторов. Из этой работы и сложился “Маятник жизни моей” – первое и пока единственное издание дневников В.Г. Малахиевой-Мирович.

Одна из хранительниц дневников, Анна Степановна Веселовская, рассказала, что среди тетрадей должны быть письма Льва Шестова (Шварцмана) Варваре Мирович. Веселовская знала об этом от своей матери, Ольги Александровны Бессарабовой, близкой подруги В.Г. Но сколько ни искали письма в коробках, в тетрадях – их не было. Я не раз спрашивала о них крестника Варвары Григорьевны – скульптора и художника Д.М. Шаховского. Он говорил, что были. Но куда-то исчезли... Холодом веяло от этих слов.

Что же связывало Варвару Малахиеву (настоящая ее фамилия была Малафеева) и Льва Шварцмана, будущего философа-экзистенциалиста? В биографии, написанной его дочерью

² Малахиева-Мирович В. Маятник жизни моей. Дневник русской женщины 1930–1954. Автор проекта и предисловия, подготовка текста – Н. Громова. Подготовка текста, комментарий, именной указатель – Галина Мельник. М.: Редакция Елены Шубиной. 2015. С. 378. Далее: М.-М. В. Дневник (с указанием страниц).

Н.Л. Барановой-Шестовой, было сказано, что Шестов много лет дружил с Варварой и помогал ей работой и деньгами. Но при этом в книге Барановой-Шестовой приводились письма Варвары Григорьевны Льву Исааковичу, которые недвусмысленно указывали на особый характер их отношений. Там же говорилось и о сестре Варвары – Анастасии, которой Лев Шестов почему-то сделал предложение. Его родители были категорически против этого брака: она была православная, а он иудей. Далее описывалось его стремительное бегство за границу. Спустя год после этих событий – женитьба на Анне Березовской – матери Натальи Барановой-Шестовой. Оказалось, что брак был заключен только десять лет спустя втайне от отца Шестова. Возникало множество вопросов, на которые не было ответов.

Однако же в дневниковых воспоминаниях Малахиевой-Мирович однозначно говорилось, что Лев Шестов любил ее, но многое их разделяло и разводило. Когда я впервые читала эти тетради, мне даже показалось, что Варвара Григорьевна сильно преувеличивает. Ведь сам Лев Шестов нигде и никогда не упоминал об их связи. Никаких прямых свидетельств об этом не было и в близком кругу Шестова.

А Варвара Григорьевна писала так: “У него было и раньше, в первый год нашей встречи сложное, глубокое, жертвенное, всепоглощающее ко мне отношение, на которое тогда мне было нечем ответить в равной мере”. Возможно, это был соблазн, посетивший Мирович на старости лет, представить все так, будто именно она определила судьбу известного философа.

Но что же тогда соединило Шестова с сестрой Варвары Анастасией? Почему именно она, а не Малахиева-Мирович стала той несчастной оставленной невестой, от которой будущий философ был вынужден отказаться под давлением родителей? И к чему все это привело?

Только письма могли открыть завесу над неизвестной драмой, о которой в биографии Льва Шестова были лишь туманные намеки. Ведь те события, несомненно, повлияли на превращение киевского литератора Лёли Шварцмана в Льва Шестова – философа-экзистенциалиста, автора знаменитого “Апофеоза беспочвенности”.

И вот через восемь лет после выхода дневников Варвары Малахиевой-Мирович долгожданная находка! При разборе домашнего архива Шаховских обнаружили 20 писем Льва Шестова Варваре Мирович, разрозненных, без начала и конца. Но именно в них стала проступать история любви, в водовороте которой и возникла философия трагедии Льва Шестова.

Киев, лето 1895 года

В своих дневниках, уже после смерти Шестова, Варвара Григорьевна назвала его “потусторонним другом”. Она часто записывала свои сны. В одном из таких видений ей явился Лев Исаакович, с которым у нее состоялся причудливый диалог. Шестова уже одиннадцать лет не было на свете, а восьмидесятилетней Малахиевой-Мирович оставалось жить всего пять лет. Именно в запредельном диалоге вдруг открылась картина их первой встречи и начала отношений:

Разговор с потусторонним другом. (Покойный Шестов спрашивает Варвару о том, что ей запомнилось сильнее всего во время их первой встречи.)

– Начните с того, о чем вы думали, что вспоминали, когда почувствовали, что я приблизился к орбите души вашей.

– О том, – сказала я, – о чем мы говорили с вами в первый день нашего знакомства, когда вы провожали меня от Тарасовых к дому, где я жила, недалеко от Храма Андрея Первозванного (в Киеве). И мы с вами опустились на ступени храма, – задумчиво продолжала я, – и загляделись на безбрежные синие дали Заднепровья, в первых лучах рассвета. Мы долго молчали, а потом вы заговорили об искушении Христа диаволом: если Ты сын Божий, то бросься с вершины этой горы, и Отец Твой пошлет ангелов своих поддерживать Тебя, и Ты не преткнешься ногой о камень – и даст Тебе Отец Твой все богатства мира и славу их, если поклонись мне. И о власти превращения камней в хлебы...³

Почему они заговорили именно об искушениях Христа? Наверное, им казалось, что испытания были приуготовлены каждому из них. На преодоление искушений уйдет вся жизнь. “Но если есть Бог, если все люди – дети Бога, то, значит, можно ничего не бояться и ничего не жалеть”⁴, – напишет Шестов в книге “Апофеоз беспочвенности”, и эта мысль будет самой дорогой для него. А Варвара на свой лад перескажет его слова на страницах дневника: “Если мы дети Бога, то нам не надо ничего бояться и ни о чем жалеть”.

Она не раз будет вспоминать эту встречу, говоря о “расширенном сознании”⁵, то есть о состоянии, когда ее душа касалась “иной страны, иного бытия”. “В 26–27 лет – писала она, перечисляя исключительные мгновения жизни, – ранним утром у портала Андреевской Церкви в Киеве пережитое вместе с Л.И. отречение от «всего богатства мира и славы его» (после чтения евангелия об искушении Христа диаволом)”⁶.

Познакомились они, как следует из рассказа Варвары, в госпитальной квартире врача Константина Тарасова. Оттуда Лёля Шварцман (именно так звали тогда будущего философа) отправился проводить ее домой. Видимо, они гуляли всю ночь. Летним утром, когда Лёля и Варвара сидели на ступенях и смотрели на восход солнца над Андреевской церковью, у каждого из них в жизни начинался новый этап, о котором они еще не догадывались.

Для Льва Шварцмана – это время мучительных раздумий, связанных с выбором будущего. Он был старшим сыном Исаака Моисеевича Шварцмана, крупного коммерсанта, создавшего большое дело – “Мануфактурные склады Исаака Шварцмана”. В семье помимо него было еще два младших брата и четыре сестры. Главная цель, которую ставил перед ним властный

³ М.-М. В. Дневник. 30 ноября 1949 г. С. 777.

⁴ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. СПб. 1905. Гл. 33.

⁵ Бёкк Ричард (1837–1904) – канадский психолог. Считал настоящую человеческую форму сознания переходной к другой, высшей форме, которую он называл космическим сознанием и приближение к которой уже чувствовал, предвидя вместе с тем новую фазу в истории человечества. В.Г. Малахиева-Мирович была последовательницей его теории и не раз приводила в своих дневниках примеры “расширенного сознания”.

⁶ ДМЦ. Архив В.Г. М.-М. 106-я тетрадь. 15–16 марта 1947 г.

отец, – продолжение семейного дела. И хотя Лев, вероятно, пытался сойти с предначертанного пути – отучился на физико-математическом факультете Московского университета, затем перевелся на юридический Киевского университета, который окончил в 1889 году, увлекался марксизмом и социальными теориями, подготовил диссертацию “О положении рабочего класса в России”, впоследствии запрещенную цензурой, занимался литературой и философией, писал рассказы, очерки, статьи, которые уже печатали в киевской ежедневной газете “Жизнь и искусство”⁷ и в “Киевском слове”, – это не представлялось возможным.

Однако примириться с родительским выбором он до конца не мог. Чем дальше, тем больше ему становилось очевидно, что, если он посвятит свою жизнь семейной торговле сукнами, это обернется для него настоящей катастрофой. Но при этом решимости пойти против воли отца у Льва не было. Если бы он был уверен, что его призвание в литературе, которую беззаветно любил, то это дало бы ему силы. Однако настоящим писателем он себя не чувствовал. Он страстно читал Евангелие, философские книги, пытаясь найти свое место в мире.

“В 23 года я начал замечать, – размышлял он в одной из своих ранних записей, – что почва которой я держусь не совсем тверда. Т. е. я заметил разлад, дисгармонию между тем миром, какой представлялся мне в воображении и миром действительности. Я стал замечать, что я не только несчастнейший человек, но и несмотря на охраняемый в душе свой клад, я как будто самый несчастный человек и страшно было мне впервые вымолвить это слово – литературный неудачник”⁸.

Варвара, которой в пору знакомства с Шестовым было уже двадцать шесть лет, тоже терзалась противоречивыми мыслями и желаниями. Она родилась в 1869 году в Киеве. Ее отец был мистиком, богоискателем, странником и философом-самоучкой, что, видимо, определило и ее духовную природу. Она была необычной с детства. В девять лет решила, что способна воскрешать мертвых. “Я обещала осиротевшей двоюродной сестре Маше, – писала она спустя годы в дневнике, – что весной, как только можно будет пройти на кладбище, я воскрешу ее мать. Когда я услышала от бабушки, что только Христос и немногие святые делали такие чудеса, я решила прибегнуть к чудотворному кресту с частичкой мощей, который хранился в нашем кивоте. И велика была горечь моего недоумения, когда взрослые мне разъяснили, что и чудотворный крест тут не поможет и что вообще чудеса были раньше, а теперь «давным-давно уже никто не воскресает»”⁹. С юности ее захватили революционные идеи “Народной воли”. С подругой Леониллой (будущей женой Константина Тарасова) они отказались от Бога и церкви. Веру им заменили беседы о Желябове, Перовской, страданиях народа и “ужасах царизма”. В восемнадцать лет Варвара отправилась на станцию Грязи торговать книгами, чтобы заработать денег на освобождение узников из тюрем. Но торговля шла плохо, и вскоре ее стала тяготить партийная дисциплина; в революцию верилось все меньше, и, как следствие, началась депрессия, возникло непонимание, для чего жить дальше. Участились нервные приступы с мыслями о самоубийстве. Варваре помог врач-психиатр, лечивший ее от “нервов”, и так случилось, что он завладел ее чувствами. Звали его доктор Петровский¹⁰. “Он был красив, – писала Варвара подруге, – музыкальный, редкого тембра голос в разговоре всегда звучал, как дивная музыка, и прекрасные глаза – большие, темно-карие, с выражением мысли, благородства и какого-то скрытого огня. Ему было 24, мне 22 года. Он через 13 лет после нашей встречи говорил, что

⁷ “Жизнь и искусство” – ежедневная литературная, политическая и художественная газета, издававшаяся с 1894 по 1900 гг. в Киеве М.Е. Краинским и под его редакцией вместе с И.П. Мануковым.

⁸ Цит. по: Piron G. Chestov. 2010. С. 427. *Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Léon Chestov. Ms. 104, 1890–1896 (?)*, p. 1:715.

⁹ М.-М. В. Дневник. 20 сентября 1931 г. С. 58.

¹⁰ Оказалось, что доктор Пётр Васильевич Петровский (1867–1920), врач-психиатр, был хорошо известен в кругу философов. Киевский друг Л.И. Шестова А.М. Лазарев в письме Г.Г. Шпету от 5 сентября 1917 г. пишет: “Говорил доктор Петровский – со слов Семёна Владимировича [Лурье], что скоро выйдет Ваш сборник”. См. в кн.: “Усердный толкователь шестовской беспочвенности”: Адольф Маркович Лазарев. Письма. Статьи о Льве Шестове / Сост., общ. ред., вступ. ст. В. Хазана. М.: Водолей, 2019. С. 363.

в этот период он тоже «любил» меня, потому и избегал. Он был женат с 19 лет. От 22 до 26-ти лет я жила с этим Эросом. В нем была уже и страсть. Мне снились наяву, т. е. пробрались в жизнь яркие образы объятий, лобзаний невестинского характера, но таких всепоглощающих и таких пламенных, каких в реальном мире даже не может быть. Мы виделись средним числом раза три-четыре в год, всегда на людях. Раз, встретив его в театре, я лишилась чувств от потрясения. 26-ти лет я из Воронежа написала ему свое «я к вам пишу, чего же боле». Ответ был совсем Онегинский: «не всякий вас, как я поймет, к беде неопытность ведет». Это было огромное, уже по-женски испытанное горе»¹¹.

В это же время Варвара публиковала в киевских литературных газетах свои стихи и рассказы. И многие находили ее литературный дар многообещающим. Одним из ценителей ее творчества был Лёля Шварцман.

Варвару терзало ощущение несладко складывающейся жизни, опустошенности и несчастной любви. А Лёлю, помимо назревающего семейного конфликта, еще и чувство огромной вины, которую он ничем не мог искупить. Это была тайна, постепенно ставшая всем известной. В 1891 году в их собственном доме он сблизился с горничной Анютой Листопадовой. «Плодом греха» стал внебрачный сын Сергей, родившийся в 1892 году. Семья Шварцманов пристроила Анну и ребенка в Москве, где ее обеспечили жильем и работой. Сергей сначала жил с матерью, а потом его отдали в семью журналиста Игнатова¹². Учился он в московской гимназии. Но Лев Шварцман прекрасно понимал, на что обрек жизнь Анны и своего незаконного сына. Женщина начала пить и быстро опустилась.

Под знаком этих горестей и невзгод проходили первые встречи Варвары и Льва Шварцмана.

И еще одно свидетельство их первых свиданий и встреч летом 1895 года. «Другой сон – приехал Л.И. Шестов, – писала В.Г. в дневниках. – Не старик, каким стал (68 лет!), а тридцатилетний, как в год нашей встречи. И я молода. Мы в каком-то чужом доме. Он рассказывает, что-то об эмигрантах, о Бальмонте, о Бердяеве. И не обращает на меня никакого внимания. Я болезненно и недоуменно воспринимаю это. И, наконец, решаю уйти. Выхожу в соседнюю полутемную комнату – и здесь он догоняет меня и обнимает с величайшей, только во сне возможной по насыщенности, силе и значительности – лаской. И слышу слова: я не мог иначе.

А в жизни это было совсем не так – ущебно, горестно, почти мучительно. Он провожал меня летом на рассвете из госпиталя, от Тарасовых. И когда мы стояли на площадке лестницы, и я уже позвонила, вдруг обнял меня и припал к моему лицу с поцелуем, в котором было какое-то отчаяние»¹³.

Под знаком отчаяния будет протекать весь короткий период тех отношений: страстных со стороны Льва Исааковича и дружески-любовных со стороны Варвары. Но оказалось, что той истории любви, которая началась на ступенях Андреевской церкви, хватило на целую жизнь обоих героев.

Как говорилось выше, большая докторская квартира, где они познакомились, принадлежала семье Тарасовых – Константину Прокофьевичу и его жене, подруге детства Варвары, Леонилле. Варвара, когда приезжала из Воронежа, где жили ее мать, братья и сестры, останавливалась у Тарасовых много раз. Именно в этой семье родится знаменитая актриса, которую Варвара будет опекать и наставлять, – Алла Тарасова.

««Госпиталь», т. е. обитавшая в нем семья смотрителя психиатрического отделения Тарасова, – писала в дневнике Варвара, – был в то время одним из культурных центров Киева.

¹¹ ДМЦ. Архив В.Г. М.-М. Письмо В.Г. Малахиевой-Мирович Зинаиде Денисьевской. 11 февраля 1928 г.

¹² Игнатов Илья Николаевич (1856–1921) – врач, литературный критик, публицист. Сведения о том, что он жил в этой семье, предоставлены Т.И. Балаховской.

¹³ ДМЦ. Архив В.Г.М.-М. 16-я тетрадь. 11 ноября 1934 г.

Помимо постоянных приходов и уходов гостей и подруг (из них некоторые, как, например, я, Полина Урвачева и другие, жили месяцами) в некоторые торжественные дни, чьи-нибудь именины, Рождество, Пасха, масленица, – собиралось до 20 человек гостей из профессоров медицинского и литературного круга. Блистала и привлекала к себе своей редкой красотой на этих вечерах сводная сестра Леониллы, Таля (Наталья Николаевна Кульженко¹⁴). Побывали в госпитале и Минский¹⁵, и Волынский¹⁶, когда приезжали в Киев выступать на вечерах. Нередко подлетали рысаки, привозившие кого-нибудь из семьи миллионеров сахарозаводчиков Балаховских. Для встречи со мною нередко заходил Шестов (тогда еще не писатель, а заведующий мануфактурным делом отца, Лёля Шварцман – «богоискатель» не расставался с карманным евангелием). «Высоконравственный человек, Христос», – сказал о нем однажды старый Герц Балаховский – свекор его сестры, равно далекий и от Христа, и от каких бы то ни было норм нравственности¹⁷.

Как развивались их отношения в первые дни знакомства, нам неизвестно. Но мы знаем, что Варвара, скорее всего, именно у Тарасовых встретила сестрой Льва Исааковича – Софьей Исааковной Балаховской, которая предложила ей место учительницы своих детей в усадьбе Переверзовка. Варвара, которая была тогда без средств к существованию, согласилась.

«Сестра Шестова, также одна из самых красивых женщин Киева, Софья Исааковна (у которой я одно время была чем-то вроде гувернантки, для того, чтобы съездить за границу), любила «госпиталь», атмосферу тарасовского дома, в частности, отца семьи, который охотно дружил с ней и даже вопреки своим обычаям сам приходил к ней слушать фисгармонию. Софья Исааковна была очень музыкальна и великолепно исполняла Баха, Цезаря Франка и других классиков. Помню ее высокую фигуру царственной стройности, с прекрасными «загадочными» глазами, чудную линию бровей над ними, короткий, немного нубийский профиль. Массу черных без блеска волос, греческим узлом тяготивших затылок ее маленькой головы. Очаровательную неожиданно доверчивую, застенчиво-манящую улыбку на неприступно надменном лице. Ее тихий, однотонный, чуть глухой голос. Ее почти постоянную печальность. («Незачем жить». «Для чего все».) И временами пансионерскую смешливость и даже шаловливость¹⁸, – такой портрет Балаховской нарисовала Варвара в мемуарных записях дневника.

Но прежде чем мы обратимся к переписке наших героев, мы еще раз отступим на шаг назад и посмотрим на картину, самоиронично описанную в дневнике Малахиевой-Мирович, где сходятся два времени – время старости, когда в послевоенные годы она вынуждена была существовать в роли почти что приживалки в доме сталинской лауреатки Аллы Тарасовой и ее матери Леониллы, своей старой подруги, – и конец XIX века, когда Аллы еще нет на свете, а в киевской гостинице тарасовского дома влюбленный в нее Лёля Шварцман поет романсы и арии:

Прохожу сейчас мимо раскрытых дверей Аллиной комнаты и оттуда врывается в мое сознание, омраченное и озабоченное отсутствием сахара к вечернему чаю – знакомая мелодия. И не из Аллиной комнаты она, а из киевской госпитальной Тарасовской квартиры. И поет ее не Лемешев по радио, а Л.И. Шестов (тогда Лёля Шварцман). И слушает ее, остановившись с чайником кипятку, с апельсиновыми корками в руках не в клетчатом лапсердаке пего-седая, полуглухая старуха Мирович, а 26-летняя кудряво-волосая, цветущая женщина под ласкающе-влюбленным взглядом певца:

¹⁴ Кульженко Наталья Николаевна – «киевская красавица», жена Василия Стефановича Кульженко (1865–1934), издателя, искусствоведа, полиграфиста. В квартире супругов Кульженко на ул. Прорезная, 4, бывал Н.А. Бердяев. Наталья Николаевна была действительным членом Политического Красного Креста – общественной организации помощи политзаключенным.

¹⁵ Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин; 1855–1937) – поэт, критик.

¹⁶ Волынский Аким Львович (наст. фам. Флексер; 1861 или 1863–1926) – литературный критик и искусствовед, балетовед.

¹⁷ М.-М. В. Дневник. 29 октября 1935 г. С. 234.

¹⁸ М.-М. В. Дневник. 29 октября 1935 г. С. 235.

Отчего побледнела весной
Пышноцветная роза сама?
Отчего под росистой травой
Голубая фиалка нема...¹⁹

И чувствует себя эта в киевской сводчатой Тарасовской гостиной стоящая у рояля молодая женщина, пышно цветущей розой, о которой поется в романсе, а не беззубой старухой в клетчатой кофте, прислонившейся к косяку дверей так, чтобы Алла и генерал ее не увидели, и прозаически плачевным *temento mori* в ее образе не испортили себе настроения, порожденного романсом.

И вот уже выпит чай с сахаром. Алла, пока я была в кухне, положила на мой стол 4 куска сахара. Должно быть, от кого-нибудь из домашних услыхав, что я три дня не могу пробыться в коммерческом магазине к кондитерскому прилавку и три дня уже пью апельсиновые корки и толочко без сахара.

И вот уже нет во мне обеих слушательниц Чайковской любовной жалобы. Вместо них водит моим пером некто, через кого они скользят, как преходящие тени, в то время как он остается вне молодости и вне старости, свидетель пережитого ими, несущий их опыт в дальнейшие свои воплощения.

И пробудилось в памяти пятьдесят лет тому назад в киевские дни родившееся стихотворение.

И звучит как романс (голосом Л.И.) под чайковско-мировичевскую музыку. Жалею, что не знаю нот, и не могу поэтому его записать с его мелодией. А слова вот какие:

О, тишина воспоминаний дальних,
Могил затерянных высокая трава,
Вечерний перезвон колоколов печальных
Надгробных камней стертые слова.

О сны минувшие! Порой милее счастья,
Чуть уловимый тихий ваш привет,
Где бурные огни любви, страданий страсти
Слились в туманно-звездный полусвет.

Душа, задумавшись, свой жребий постигает,
И в звездных письменах, неведомой рукой
Над нею в вышине начертанных, читает:
“Прощенье и покой”²⁰.

Лев Исаакович Шварцман прекрасно пел и даже думал об оперной карьере. Возможно, музыка и пение помогали ему выразить то, что часто лежало под спудом и чего он не мог высказать открыто.

У Льва Шестова был обаятельного тембра голос и высоко артистическая манера пения. Он готовился перед этим к карьере певца и часто говорил потом, что променял бы на пение свое писательство, если бы не пропал голос (для сцены, камерным певцом он мог бы оставаться

¹⁹ Романс П.И. Чайковского на слова Л.А. Мея “Отчего?”.

²⁰ М.-М. В. Дневник. 31 марта 1946 г. С. 632–633.

и при изменившихся голосовых средствах). Лев Шестов пел из Риголетто, из Джиоконды, из Севильского цирюльника, Шаляпинские (и не хуже Шаляпина) “В двенадцать часов по ночам”, элегию Массне, “О поле, поле, кто тебя...”²¹.

²¹ М.-М. В. Дневник. 20 июля 1931 г. С. 50.

Переверзовка, лето 1895 года

Имение Переверзовка с парком в соседних Пенах²², где были заводы, принадлежавшие богатому клану сахарозаводчиков Балаховских, находилось в Курской губернии. Оно лежало как раз на пересечении дорог из Москвы в Киев и из Воронежа в Киев, что для Варвары Григорьевны было очень удобно. Ее мать с братьями и сестрами жила в Воронеже, а в Киеве, где она родилась, жили ее друзья и находились редакции газет, в которых она печаталась.

Варвара учила здесь детей Балаховских. Сюда к своим родственникам, а как оказалось, по большей части к ней, стал часто навещаться ее недавний друг и поклонник Лёля Шварцман. В поздних дневниках она вспоминала один из пережитых вместе с ним дней как особенный, называя его “эдемским утром в Пенах”. Что произошло в тот день, мы не знаем, но известно, что они часами бродили по дорожкам парка и это очень раздражало родственников молодого человека: “...мать Даниила Балаховского возмущалась отношением Л. Ш. ко мне: «Влюбился в бонну, гойю, оборванку!»” – вспоминала Варвара.

Как-то к ним даже попытались подослать мальчика-наушника, чтобы узнать, не задумывают ли они что-то во время своих прогулок.

“Термин «философия и литература» как характер нашего общения, – писала В.Г. в дневнике, – зародился в те дни от случайно подслушанных слов маленького шпиона, гимназиста Юзика, который по соглашению с любопытствующей немкой-бонной, взялся проследить, о чем мы говорим целыми днями. Немка завистливо и ревниво возмущалась: «*Wo ist die Fräulein, da ist der Bruder, wo ist der Bruder, da ist Fräulein*»²³. Я была тоже на положении бонны, но более квалифицированной в миллионерском доме сестры Л. Ш. И ревность немки относилась не к тому, что «*sie sind beide verlobten*»²⁴, а к тому, что я из бонн могла попасть на высшую, недоступную ей ступень социальной лестницы. Подкупленный вареньем и другими лакомствами (немка была так же и экономкой), Юзик то и дело вырастал из-за кустов над нашими головами, когда я гуляла в парке или в лесу с детьми и с Bruder’ом. Вскоре ему это надоело. И он громко признался в безрезультатности своего шпионажа. «Когда не подойдешь к ним, только и слышишь философию да литературу», – жаловался он. Ницше, Толстой, Достоевский, Шекспир были нашими ежедневными, неубывными темами. Лирическая же область наполнялась только пенем»²⁵.

В июле Лев Исаакович написал Варваре из Москвы, где он мог оказаться по делам отца, а заодно навещать незаконного сына, очень эмоциональное по тону письмо. Все-таки помимо “философии да литературы” между ними шел какой-то очень напряженный диалог, отзвуки которого возникают в письмах.

С первых же страниц он говорил, что ждал от нее письма и наконец дождался, и теперь распечатывает его дрожащими от нетерпения руками. Что, увидев обращение “друг мой”, испытал прилив счастья. А затем он пытается уберечь ее от дурных мыслей о смерти, от неверия в Бога, от ощущения собственной ничтожности:

Я видел Вас, я слышал Вас тогда, когда Вы обо мне не думали – и знаю, что в Вас есть и Бог и вера – только Вы не можете осознать их в своем истерзанном и больном сердце. Немного

²² В 1896 г. офицер Блохин-младший, проиграв в карты крупную сумму денег, вынужден был продать свои земли курскому купцу Балаховскому. Эти земли были расположены между селами Чапли, Пены, Угоны, Эммануиловка, Алексеевка, Каменск. Одновременно Балаховский договорился с графиней Марией Клейнмихель об учреждении акционерного общества по переработке сахарной свеклы. Тогда же вместе с супругами Константином и Марией Клейнмихель Балаховский организовал товарищество Мариинского свеклосахарного и рафинадного заводов с ремонтной мастерской в селе Пены.

²³ Где барышня, там и брат, где брат, там и барышня (нем.).

²⁴ Они обручены (нем.).

²⁵ М.-М. В. Дневник. 20 июля 1931 г. С. 50.

покая, немного того бальзама, который щедрая для всех природа не хотела дать нам с Вами, немного счастья – и Ваши глаза снова увидят Бога в своем сердце, как видели они его в те дни, когда Вы еще не взяли на свои плечи непосильной ноши вечного одиночества. О, Варвара Григорьевна, я знаю это чувство, я знаю, что значит страдать, я понимаю, как истерзанный человек не верит ни в Творца, ни в людей – но этот человек носит в себе больше, чем те люди, которые, не зная скорби, говорят о святости веры...²⁶

Несмотря на то что это письмо влюбленного, в нем звучат главные темы будущих размышлений философа Льва Шестова. Одна из них может быть сформулирована так: жизнь, в которой отсутствует Бог, теряет смысл. Без трагедии и страдания нет понимания реальности.

Но пока это только подходы, своего рода увертюры будущей симфонии.

Главная тема первого обретенного нами (хотя оно явно не первое!) письма сводится к тому, что Лев Исаакович пытается защитить Варвару от юного Мити Балаховского²⁷, брата Даниила Григорьевича. Митя, талантливый юноша, ученый, яростный спорщик и будущий знаменитый изобретатель, видимо, напал на Варвару Григорьевну, пытаясь найти бреши в ее пошатнувшемся материалистическом мировоззрении. Это был человек очень современный, моложе ее на десять лет.

Лев Исаакович защищает Варвару не только от материалистов и социалистов, когда-то ему очень близких, он с яростью Дон Кихота, отстаивающего честь своей Дульсинеи, ограждает ее от новых людей, утверждая ее право быть самой собой как отдельного, независимого человека со своим духовным опытом и уникальностью:

...И, посмотрите, что у них за вера! Это политический материализм! Да знаете ли вы, что это такое этот экономический материализм, эта красивая комбинация иностранных слов, под которой кроется приговор миллионам людей?

Уговаривая ее не поддаваться речам материалистов и марксистов, он говорит, что все их речи сводятся только к тому, что страдания нынешних поколений, и ее в частности, обязательно окупятся через десяток поколений. Что до живых людей им нет никакого дела. В том числе и до нее. А ведь она обладает высочайшими душевными качествами, которые дались ей настоящим страданием.

Он говорит ей о своей любви, но не напрямую, не понуждая ее к какому-нибудь ответу. Он пишет, что готов принять от нее все – лучшее и худшее, дурное и хорошее – и будет принимать всегда с радостью, потому что получил огромные дары и счастлив будет вернуть ей то, что принял от нее:

Я Вас увидел, я Вас услышал – и я сам стал иным человеком. Мне кажется, что, как я не исстрадался в сознании невозможности придти к Вам, я с тех пор, как увидел, узнал Вас, стал вдесятеро, в сто раз лучше и сильнее. И, если Вы можете придать столько веры и бодрости человеку, значит есть и в Вас сила и вера.

И заканчивает свое письмо уже с жаром настоящей страсти:

²⁶ Полный текст писем приводится в соответствующей части книги.

²⁷ Балаховский Дмитрий Григорьевич (1879–1952) – титулярный советник, инженер-технолог, промышленник. Брат С.Г. и Д.Г. Балаховских. Окончил Рижский политехнический институт. Эмигрировал во Францию. Автор изобретений в области автомобилестроения, в том числе запатентованного им особого карбюратора “Каталекс”, дающего значительную экономию и позволяющего применять тяжелые горючие материалы в быстроходных двигателях. Его машины на электрическом токе нашли применение во Франции. Создатель особых способов рафинирования нефти и один из пионеров науки петрохимии. Член Общества друзей русской книги в Париже.

Я бы всю ночь не переставая писал Вам, так полно сердце и так рвется оно беседовать с Вами, с Вами одной. Жму крепко Вашу руку, ту руку, которую я хотел бы покрывать тысячами поцелуев, если бы имел на это право.

В августе 1895 года, после отъезда Льва Исааковича из имения, Варвара написала ему вслед два письма, одно датировано 11 августа 1895-го и, видимо, писалось несколько дней:

Как грустно смотрит лес и озеро и вся Переверзовка после Вашего отъезда! Я очень привыкла к Вам и поняла Вас лучше и Ваша близость стала мне дорогой. <...> Вы сделали меня лучше, чем я была раньше, дотронулись до бельма, которое заслоняло мне часть мира, и бельмо стало проходить, и я стала яснее видеть то, что было мне неясным, что я предчувствовала только, но что, я верю, станет частью моего сердца.

<...>

И как хорошо, что Вам дано делать это “другое” почти везде, где Вы не появились. И если бы не Ваши дела с сукнами, Вы создали бы себе путь в жизни, не похожий на другие пути. Трудный, но без фальши и компромиссов, ведущий к правде...

Их взаимные обращения как спасителей душ друг друга – рифмуются.

Варвара – к нему:

...И когда Вы будете умирать, то Ваша встреча со мной даст мир Вашей совести, хотя бы Вы ничего другого не сделали в жизни.

Она тоже считала, что он спас ее душу, открыв ей зрение и слух.

Лев Исаакович – к ней:

...И помните, что, если бы вы ничего больше не сделали за всю свою жизнь, что если бы Вам только удалось оживить одного человека, то и это великое дело, из-за которого стоит жить.

Но истинный смысл обращенных к ней слов, хотя отвечала ему с той же интонацией, которую он задал своими письмами, открылся ей намного позже. Лишь потом в дневниках Варвара Григорьевна смогла должным образом оценить тот порыв, тот дар, который получила от него. “Душа выросла в нем, – писала она. – Помог тогда расти человек, которого я тогда не могла полюбить, но который полюбил меня сильной, горячей, в смысле настоящести, высшего полета любовью, богоискатель-философ – потом прошедший путь нищестанства, теперь длинным окольным путем пришедший к вере в Бога (Лев Шестов)”²⁸.

²⁸ ДМЦ. Архив В.Г. М.-М. Письмо В.Г. Малахиевой-Мирович Зинаиде Денисьевской. 11 февраля 1928 г.

Осень 1895 года

Скорее всего, Варвара всячески уговаривала Льва Исааковича отойти “от суконного рабства”, то есть от службы в мануфактурном деле отца, тем самым выражая веру в то, что он способен на нечто большее. Для него это было важнее всего. Сам факт, что любимая женщина благословляет его на особый путь, придавал ему уверенности, что очень скоро все изменится. Разумеется, этому выбору мешала отцовская воля. Забегая вперед, нельзя не сказать, что именно назревающая драма отношений Льва Исааковича и Варвары Григорьевны разорвет гордиев узел суконного рабства будущего философа.

То, в каком сложном положении уже давно пребывал Лев Шварцман, видно из письма его близкого друга Работникова²⁹, который, вероятно, служил какое-то время у его отца в мануфактуре. Молодых людей связывали многолетние дружеские отношения. Работников, как и Лев Исаакович, печатается в киевских газетах, мечтает быть литератором или философом. Но по отношению к своему молодому другу Льву Шварцману (он старше его на шесть лет) он – некий ментор, который постоянно отчитывает его за те или иные проступки.

В июньском письме 1895 года Работников упрекает его:

...То, что ты приписываешь мне по отношению к твоим родителям не имело места в действительности, а сверх того и в голову мне не приходило. Жалко, что ты заблуждаешься, и с удивлением прочел те строки твоего письма, в которых ты таким убежденным тоном говоришь будто я “требовал” (на самом деле или в душе), чтобы ты “бросил” родителей, чтобы ты “мстил” им и прочее. Тем более жалею, что тебе должно быть хорошо известно, что в продолжении десяти лет ты от меня не слыхал ни одного дурного слова о твоих родителях. Только перед отъездом у меня, кажется, вырвалось недовольное замечание – одно, в первый раз и при исключительных обстоятельствах. Вообще-то о твоих родных я перед отъездом мало думал; не до них мне признаться, и поэтому могу повторить еще раз: жалею о твоём заблуждении. Вместо того, чтобы казнить по одному лишь подозрению, гуманно было бы сначала восстановить факт виновности...

Советовал ли Работников Льву Исааковичу или нет бросить родителей, то есть родительское дело, ясно одно: тот буквально слышит эти слова в себе. Оставить дела с “сукнами” – это и есть в понимании Шварцманов “бросить” родителей. Но он старший сын. На него сделана основная ставка.

Дальнейший текст письма тоже свидетельствует о неравных отношениях между ними. Работников несколько высокомерно пишет, будто бы Лев Исаакович утверждает, что друг в нем “разочаровался” и предал его анафеме.

“Для устранения всяких недоразумений скажу тебе, что считаю тебя хорошим человеком, но слабым человеком. Не отрицаю, что слабость может довести человека до скверных поступков, в которых он будет раскаиваться, но между моими словами и анафемой всякий увидит пропасть”, – холодно подытоживает он.

Но самый необычный – последний пассаж письма. Работников, отвечая на упреки друга в том, что у того есть связь с женщиной, от которой у него трое детей, и на слова, что это без-

²⁹ Работников Григорий Моисеевич (1860–1897) – журналист, литератор. Окончил 6 классов Третьей киевской гимназии; оставить гимназию пришлось по финансовым причинам. Учеба в университете была для него недоступна. Он посылал свои стихи Тургеневу; получил от того письмо, которое хранил всю жизнь. Писал для газет “Волянь”, “Труд”, “Приазовский край” и др. В “Жизни и искусстве” выходили его статьи о фабрично-заводском быте рабочих, а также об экономических и финансовых вопросах. Все эти сведения содержатся в некрологе Л.И. Шестова от 5 августа 1897 г. В архиве Шестова сохранились 5 писем Работникова, написанных в период с 20 июля 1895 по 24 ноября 1895 г. (Сообщено К. Ворожиной.)

нравственно, разражается насмешками в адрес Льва Исааковича, заявляя, что тот описывает свою личность “истерически высоким слогом”, что говорить с ним о женщинах не представляется возможным, потому что тот вообще ничего в них не понимает: “...любви ты не испытал, женщин не знаешь и судишь о них почти как розовый юноша”.

Вот таким его видит товарищ – нелепым гимназистом тридцати лет. Но, похоже, Работников не все знал о своем друге.

В августе в трех выпусках газеты “Жизнь и искусство” вышли несколько стихов и рассказ Варвары Григорьевны, подписанные ее собственной фамилией “Малафеева”. В том же письме, которое уже цитировалось выше (11–14 августа 1895 года), она дает поручение Льву Исааковичу, сменив возвышенный тон на лукавую просьбу о приобретении для нее корсета:

И вот опять отвлеклась от цели письма. Цель его прозаическая. Нужно узнать в редакции размеры гонорара за недавно напечатанный в “Жизни и Искусстве” бессодержательный рассказ – В. Малафеевой “В мае”³⁰.

Если Вам не неловко это – узнайте, пожалуйста, и, если гонорар превышает 20 рублей, возьмите излишек и купите на фабрике у Дюта корсет (ценой от 3-х до 5-ти рублей), низкий (короткий) в 5–6 сантиметров. Оказывается, что без него нельзя шить платья. А платье, как Вы сами видели, мне необходимо. Простите за поручение дамского характера. Вышлите его отдельно от других вещей. [*Tout le monde*³¹] будет шокирован, если узнает, что Вы выбирали для меня корсет.

Трудно себе представить такое поручение, как покупку корсета женщине, о которой возлюбленный только вздыхает. Что это? Скорее всего, ощущение своей власти и, конечно же, отсутствие страха потерять его. А ее рассказ, о котором она, несомненно, рисуясь перед ним, говорит как о “бессодержательном”, был довольно-таки необычным, особенно в русле истории, которая развернется позже. В рассказе “В мае” говорилось о двух сестрах, влюбленных в одного молодого человека, и о том разладе, который между ними из-за этого возник.

Буквально через день, 16 августа, Варвара отправляет Льву Исааковичу послание совсем другого рода. Возможно, между ними только что произошло неловкое объяснение или, наоборот, многое осталось недосказанным, и она как-то хочет ослабить возникшее напряжение. Но получается не очень хорошо:

Зачем, друг мой, столько любви и столько чисто юношеской идеализации? Я не перестану повторять, что это идеализация, и придет время, когда Вы увидите, что я права. <...>

Вы просите прощения за ощущение страсти, которую испытали в гостинной, когда я положила свою руку на Вашу руку. Мне не в чем Вас прощать. Я не девочка, и я знала, что это так было. Но только я не думала об этом. И это, конечно, моя вина. А оправдание в том, что мне так хотелось Вас утешить. Говорить нежно и ласково я не умею – у меня всегда это звучит как-то насмешливо. И я протянула Вам руку. А потом я почувствовала, что Вы взволнованы. И еще раз я почувствовала это под гимнастикой в тот вечер, когда мы были у Шлейфов. Тогда я дала Вам цветок никоцианы. И в прикосновении Вашей руки, в Вашем взгляде было что-то, смутившее меня и поднявшее в моей душе опасение за Ваше будущее, за будущее наших отношений. Они должны быть чисты, друг мой, чисты, как взгляд Христа, протянувшего руку Марии³².

³⁰ Рассказ В.Г. Малахеевой-Мирович “В мае” был напечатан без подписи в киевской газете “Жизнь и искусство” в трех номерах: 1895. 28 июля (№ 206), 29 июля (№ 207) и 2 августа (№ 211). Она далее называет эту газету журналом. В. М-ва. В мае. “Жизнь и искусство”. // 20 июля 1895. С. 2. Одно время был ошибочно приписан Л.И. Шестову.

³¹ Весь мир (фр.).

³² *Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Léon Chestov. MS 2121. Ff. 161–184. (Vol. XI); Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва*

Драма была, видимо, еще и в том, что темпераменту тридцатилетнего Льва Шварцмана не было выхода. Находиться рядом с любимой женщиной, которая держит на расстоянии, было мучительно, но он готов был ждать в надежде, что все еще может измениться.

Потом Варвара напишет в дневнике о своем состоянии в те дни: “Неопытное сердце, еще не заживившее недавней раны своей фантастической и безнадежной любви (к доктору П.), не понимало, что настал час его обручения. Чувствовало в религиозном порядке важность этой встречи, но прислушивалось в ней только «к философии и литературе», пугалось всякого намека на возможность брачного характера отношений³³”.

А тем временем впереди маячила разлука. Осенью семья Балаховских уезжала с детьми за границу, и Варвара Григорьевна, которая считала, что работа гувернантки была нужна ей именно для того, чтобы увидеть Италию и другие страны Европы, казалось бы, добилась того, чего желала.

Для Льва Исааковича после нескольких месяцев встреч, писем, любовных признаний ее отъезд, несомненно, стал драмой. С появлением Варвары для него вдруг забрезжил впереди некий свет.

Спустя двадцать пять лет Лев Шестов будет недолго вести “Дневник мыслей”. В нем осталась загадочная запись от 11 июня 1920 года: “В этом году исполняется двадцатипятилетие, как «распалась связь времен», или, вернее, исполнится – ранней осенью, *в начале сентября* (выделено мной. – Н. Г.). Записываю, чтобы не забыть: самые крупные события жизни – о них же никто, кроме тебя, ничего не знает – легко забываются”³⁴.

Дата этого “крупного” (!) события приходилась на начало сентября 1895 года. О чем же могла идти речь? Только что прозвучало августовское письмо Варвары, где есть упоминание о каком-то сложном объяснении между ними. Но Лев Исаакович писал, что именно в начале сентября “распалась связь времен”. Может быть, он имел в виду свой разрыв с прошлым? Разъединение с отцовским представлением о его будущем? Именно в это время Лев Исаакович думал и писал о Гамлете. Но он понимал эту драму не так, как привыкли мы и та публика, которая видела трагедию на сцене. В своей работе он настаивал именно на слабости принца Датского, на его нежелании делать выбор, которого от него требовал Призрак отца. “Пала связь времен, зачем же я связать ее рожден, – писал Л.И. спустя время в знаменитой работе «Апофеоз беспочвенности». – Это значит – прежняя, бессознательная, дающаяся нам всем даром вера в целесообразность и осмысленность человеческой жизни рушилась. Нужно сейчас же, *немедленно* найти новую веру – иначе жизнь обращается в непрерывную, невыносимую пытку. Но как это сделать? Где найти веру? И есть ли такая вера на земле?”³⁵

Здесь, в “распавшейся связи времен”, для Льва Шварцмана сплелось все: и выбор судьбы, и возможный разрыв с верой отцов, и любовь к женщине, которая, хотя и ускользает от него, но дарит ему вдохновение.

Возможно, на обстоятельства того кризиса указывает запись в дневниках Варвары Григорьевны об усилившихся мучениях его в поисках веры. Она цитирует его сокровенное признание:

Когда я понял, что Бога нет – у меня нет, – потому что тот, какого мне подают ритуалы разных религий, для меня не существует и та замена, какую предлагают те или другие философы, Того Бога, какого я ищу, мне заменить не может, и что Того, кого я ищу, может быть,

Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. В 2 т. Париж, 1983. Далее: *Б.-Ш. Н. Жизнь Льва Шестова* (с указанием тома и страниц). Т. 1. С. 20–21.

³³ *М.-М. В. Дневник*. 20 июля 1931 г. С. 50.

³⁴ *Б.-Ш. Н. Жизнь Льва Шестова*. Т.1. С. 22–23.

³⁵ *Шестов Л. Апофеоз беспочвенности*. Приложение. СПб. 1905.

и нет – а я без него не могу принять жизнь – я бился головой о стену и зарывшись в подушки стонал и рычал напролет целые ночи, как от несноснейшей физической боли³⁶.

Лев Исаакович, как и Гамлет, усомнился в справедливости законов, по которым устроено человеческое мироздание. Но это не могло быть событием, имеющим четкие временные границы. Однако он ясно пишет, что с ним что-то *произошло*. Ответа на вопрос, что же с ним случилось в начале сентября двадцать пять лет назад (отсчитывая от дневниковой записи сентября 1920 года), у нас нет, но, возможно, он еще отыщется.

А тем временем Варвара собирается за границу и ненадолго уезжает в Воронеж, чтобы проститься с матерью и своей младшей сестрой. Возможно, именно тогда ей пришло в голову предложить Насте пожить в Киеве и тоже побыть воспитательницей. В письме Льву Исааковичу из Воронежа Варвара еще раз проясняет смысл своей поездки:

На Италию смотрю как на лекарство и на печальную необходимость. Красоты ее не трогают меня. И будь моя голова посвежее и нервы покрепче, как это и ничто не удержало бы меня от поездки в Петербург.

Она безотрадно пишет о неурядицах в доме. Жалуется на свою холодность, на упреки сестры, которая обвиняет ее в духовном аристократизме, фарисействе и эстетическом отношении к людям.

Он готов защитить ее даже от близких. От матери, сестры. Ведь никто не понимает ее так, как он. В этом эпистолярном диалоге Варвары с Львом Исааковичем видно, сколь огромно напряжение в их отношениях и сильна ее власть над ним.

Лев Исаакович, предчувствуя скорый отъезд Варвары, не может не страдать. Она же спокойно размышляет о своем будущем без него. Но он не в силах ничего изменить, только просит о встрече один на один, чтобы что-то еще прояснить на прощанье.

Все это звучит в его письме от 29 сентября 1895 года, отправленном из Москвы в Воронеж:

Боюсь, дорогая моя, что письма мои принесли Вам мало успокоения. Я слишком сильно сам волнуюсь, для того чтобы можно было скрыть свое настроение в письмах. Писать ясно, глядеть светло в таком настроении вряд ли можно. А ведь ничто так успокоительно не действует, как ясность и светлость души ближнего. Но мы, родная, скоро встретимся, и я, увидев Вас, стану совсем другим. <...>

Мы встретимся, и я снова буду тем же, чем был и несколько дней проведенных вместе дадут мне сил и бодрости ждать целые месяцы. Не думайте, что я упал духом – я ужасно боюсь, чтоб Вы так думали...

В этом большом письме существует множество внутренних сюжетов, связанных с какими-то прежними письмами, разговорами о некой его слабости, о каких-то адресованных Варваре упреках. Он уверяет ее, что она поступила с ним благородно и она душевно выше и чище его, так как простила его за упреки. Никогда уже после он не будет так часто обращаться к ней “родная”. Видимо, здесь он проявлял абсолютно особую степень близости к ней.

“Большая часть писем Льва Шестова сгорела во время общероссийского пожара в 18 году, – писала Варвара в дневнике. – Уцелели разрозненные клочки. Самые ранние из них,

³⁶ ДМЦ. Архив В.Г. М.-М. 98-я тетрадь. 13 мая 1949 г.

киевские (я гостила в Воронеже) полны кристально-прозрачной, солнечно-щедрой любви и заботы. Я не умела ценить их в те дни”³⁷. Именно об этих письмах она вспоминала.

Итак, они должны были встретиться на станции “Курск”. Разговаривать долго-долго. И распрощаться, как им казалось, на непродолжительный срок. Но в той точке, где они сейчас оказались друг перед другом, ничем не связанные, незапутанные другими и собой, им уже никогда не быть.

³⁷ М.-М. В. Дневник. 20 июля 1931 г. С. 50.

Настя. Зима 1895–1896 годов

*Почему Насте нужен я, воплощение несчастья...
Из письма Льва Шварцмана Варваре Мирович*

Мы знаем точно, что 3 октября 1895 года Варвара и С.И. Балаховская с детьми выехали в Италию, так как в одном из писем 1896 года Лев Исаакович напомнил Варваре Григорьевне, что прошел ровно год, как они расстались.

В одном из первых же своих посланий из Италии Варвара спрашивала его о своей сестре Насте.

“Как я рада буду, если Вы сблизитесь с Настей! – писала Варвара 3 декабря 1895 года. – Возле нее никогда не было вполне достойного ее мужчины. И был такой, который доставил ей много душевной боли и обиды. Подойдя поближе к ее душе, Вы увидите, что такая молодая, она ранена уже и не смеет быть доверчивой. Но когда Вы узнаете ее ближе, Вы увидите также, что это душа, достойная лучшей участи, чем пропадать в глухом закоулке Воронежа за непосильным трудом. Пожалуйста, напишите, как Вы нашли мою девочку, здорова ли она, хорошо ли ей у С.М.³⁸ (нет ли шероховатостей отношений, которые при Настиной нервности могут стать для нее пыткой)”³⁹.

Видимо, Настя приехала из Воронежа и устроилась гувернанткой в семью Эвенсонов, которые работали в киевской газете “Жизнь и искусство” и были близки как Льву Исааковичу, так и Варваре Григорьевне. Моисей Самойлович Эвенсон когда-то служил у известного русского библиографа и историка русской литературы С.А. Венгерова⁴⁰; участвовал в создании словаря Брокгауза и Ефрона. Из Петербурга Эвенсона, как еврея, выслали в Киев. Интересно, что и там он не имел права жить, и поэтому ему, способному литератору и отцу семейства, приходилось часто просиживать дни и ночи в шахматном клубе, куда не заходила полиция проверять документы. Его жена Сарра Максимовна, о которой Варвара упоминает в письме, была известная переводчица и журналистка. Многочисленные свои статьи она подписывала “С. Максимов”.

Настя была на шесть лет младше Варвары, ей в ту пору было двадцать лет. Она с детства очень любила старшую сестру, буквально боготворила ее. Они были очень дружны. “Это был период, когда в редакции «Жизнь и искусство» (Киевский журнальчик, где мы обе начали печатать стихи и прозу), – писала Варвара в дневнике, – нас прозвали Радика и Додика – имена сросшихся сестер близнецов, которых показывали в проезжем музее. Если бы в тот период кто-то из нас умер, его друг не пережил бы потери. Я помню, с каким ужасом, с какой решительностью покончить с собой, если сестра обречена на смерть, подъезжала я к Одессе, где в лечебнице доктора Гамалея сестра лечилась от укушения бешеной собаки. Тогда обыватели не вполне верили в силу прививки. И я бросилась из Киева в Одессу за сестрой, измучившись подозрением, что ее уже нет в живых...”⁴¹

Варвара очень хотела, чтобы ее сестра подружилась с Львом Исааковичем и чему-то научилась у него.

И в следующем письме от 7 декабря 1895 года она спрашивала его:

³⁸ Эвенсон Сарра Максимовна – редактор, близкая знакомая В.Г. М.-М. и Л.И. Шестова. Сотрудничала с газетами “Жизнь и искусство” и “Волянь”, была первой переводчицей Фейхтвангера и ряда других иностранных писателей нового времени на русский язык. Была убита немцами в Киеве в 1941 г. (выброшена из окна).

³⁹ *Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Léon Chestov. MS 2121. Ff. 161–184. (Vol. XI.)*

⁴⁰ Венгеров Семён Афанасьевич (1855–1920) – литературный критик, историк литературы, библиограф и редактор. Брат Зинаиды Венгеровой.

⁴¹ ДМЦ. Архив В.Г. М.-М. 81-я тетрадь. 25 марта – 23 апреля 1945 г.

Получили ли Вы мои письма? Последнее я писала в очень нездоровом состоянии, и потому оно вышло мрачнее, чем среднее арифметическое моей жизни. Что делаете в Киеве? Как Вам живется? Как идут занятия? Как нашли Настю?

Странно, что, будучи уже взрослой и прозорливой женщиной, Варвара Григорьевна не смогла предвидеть, что отношения Насти и Льва Исааковича могут принять абсолютно непредсказуемый оборот.

В дальнейшем, анализируя внутренний склад сестры, Варвара пыталась найти первопричину будущей трагедии и душевной болезни Насти.

Это был ребенок с зачатками гениальности и с ядом безумия в мозгу. Пяти лет от роду она так говорила наизусть лермонтовского “Пророка”, с таким неподдельным жаром и с такими изумительными интонациями, что я до сих пор вспоминаю их, как исключительное по художественности впечатление. В 18 лет я могла говорить с ней, 13-летней о Фаусте, о Дон-Жуане, о Демоне, прислушивалась к ее мыслям. В 14 лет ее приняли в партию и посадили за политэкономии и социологию, предварительно заставив пережить отречение от семьи и от “личного счастья”, что требовалось от всех нас, как условие поступления. В партии она пробыла всего два года, надорвавшись физически и душевно. За этим последовали не менее надрывные два года на фельдшерских курсах. Полуголодная жизнь, каждодневные путешествия по 14 верст – семь верст до Кирилловской больницы (в Киеве) и обратно. На конку не было гривенника. Обе мы жили тогда на мои нищенские заработки, – за двух-трехчасовой урок платили 5–7, редко десять и в виде редчайшего исключения 20–25 рублей⁴².

Настя была не менее чуткой и открытой натурой, чем ее старшая сестра; писала стихи, мечтала о подвигах самоотверженности. И вот она оказалась в Киеве без Варвары, в семье журналистов. Рядом трагический и надломленный человек – Лев Шварцман. Варвара наверняка рассказывала ей о его благородстве, уме, честности. Не надо забывать, что Насте в то время было всего двадцать лет, она была робкой, неопытной девушкой. Но во Льве Исааковиче сразу же увидела, а может, и придумала себе своего Рыцаря Печального Образа и, конечно же, решила его спасти.

Тем временем в итальянской поездке отношения Варвары с Софьей Исааковной Балаховской все больше осложнялись. “Из Ospedaletti принцепалы мои переехали к весне в Ниццу, – писала Варвара в дневнике. – Там Софья Исааковна Балаховская (мать Жени и Жоржика) понемногу усвоила себе раздраженно-барский тон по отношению ко мне. (Началось у нас с симпатии и прошло почти через дружбу.) Причины для раздражения, конечно, были – помимо тяжелой беременности и нараставшего разлада с мужем, во мне она обрела далеко не идеальную гувернантку. Я любила детей, умела их занять, но целодневное с ними общение стало для меня утомительным и тягостным *soins corporels* (физический уход). Я справлялась с ними неумело, неловко. И мне было странно, что при ее огромных средствах Софья Исааковна не догадывается возложить часть ухода за детьми на горничную отеля за какую-то приплату, о чем та сама намекала, но встретила отказ”⁴³.

“Если б было кому заменить меня у Софьи Исааковны, я не задумалась бы уехать отсюда завтра же, или сегодня вечером. Мне очень нехорошо здесь, потому что я не нахожу в себе достаточно любви к Софье Исааковне”⁴⁴, – делилась она своей печалью с Львом Исааковичем.

⁴² М.-М. В. Дневник. 2 сентября 1931 г. С. 32–33.

⁴³ М.-М. В. Дневник. 21 июля 1937 г. С. 290–291.

⁴⁴ Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Léon Chestov. MS 2121. Ff. 161–184. (Vol. XI.)

Он ответил ей необычным письмом или письмами (?), одно из которых не имеет конца, а другое – начала. По их содержанию можно догадаться, хотя и не совсем точно, что уже что-то стряслось между Настей и Львом Исааковичем. Это станет ясно из второго отрывка.

Но вначале идет фрагмент с рассказом о лирической поэме Шелли, где вполне прозрачно прочитывается любовь Льва Исааковича к Варваре. Речь идет об “Эпипсихидионе”. Слово, давнее название этому произведению, толкуется как некий “сверхчувственный” опыт, находящийся вне этого мира. В журнале, жалуется Лев Шварцман в письме от 2 января 1896 года, ему не дали написать об этой поэме, которую сочли скучной. Смысл сочинения, говорит он, сводится к тому, что герой (сам Шелли) влюблен в девушку, заключенную родственниками в монастырь, и не может вызволить ее из плена. И тогда он решает, что надо создать некий выдуманный мир, где он сумеет воссоединиться со своей прекрасной возлюбленной:

Ему нужно было выдумать Бога, которого у него не было. Поэтический дар помог ему. Он нашел Бога – и забылся, утешился. А Бог был мечта о земном, мечта об избавлении несчастной девушки. И поэма называется “Эпипсихидион” – будто есть возможность иного, неземного общения меж любящими и разлученными людьми...

Разлученные возлюбленные; поиск Бога, который сможет соединить их; неземное общение – все эти темы, видимо, не давали Льву Исааковичу покоя.

В поздних дневниковых записях Варвара Григорьевна прокомментировала этот отрывок письма и разбор поэмы: “Экстаз Шелли, влюбленного безнадежно в Эмилию Вивiani, понадобился в какой-то момент Л. Шестову как музыкальное оформление его большой, действительно платонической, высоко романтической и безнадежной любви к женщине, которая была одержима такой же любовью (он знал это) к другому человеку. Это было только поэтически-музыкальное оформление своих чувств, а не личности, на какую они были направлены”, – так она пишет, опуская в своих записях все, что случилось буквально спустя несколько дней после этого письма. И еще одна запись:

Его письмо, начинающееся словами “Эпипсихидиона” Шелли: “О дух, небесным призракам родной, сверхчувственная нежность серафима! Ты скрыта в форме женщины земной, все что в тебе для глаз невыносимо, подобно яркости любви и чистоте и пламенно-бессмертной красоте”. И то, что мне было нечем на это письмо ответить⁴⁵.

Тема безответной изнуряющей любви всплыла и в заметке Льва Шварцмана от 2 февраля 1896 года. Она была написана в те же дни, что и письмо, и вышла в приложении к “Жизни и искусству”, где Лев Исаакович под псевдонимом “Читатель” делал свой ежемесячный журнальный обзор: “Если жизнь не была для вас «пустой и глупой шуткой», если вы в жизни «по-настоящему» и крепко любили, то вы знаете пытку тоски. Уже издали вы ее чувствуете, и сердце бьется тревожнее и сжимается болью. Но ближе, плотнее надвигается она на вас и вдруг, словно какое-то чудовище, охватит вашу душу беззубою пастью и жует и пережевывает”.

Это отражает его состояние в те дни. “Нечего ответить” – пишет Варвара. “Пытка тоски” – отвечает в своей статье Лев Исаакович.

И вот Анастасия, видимо, до поры не понимая, вступает на зыбкую почву, словно для того, чтобы взорвать отношения двух близких ей людей, их призрачную связь.

Это же письмо, в котором отсутствует первая часть или же первая страница, Л.И. заканчивает рассказом о том, как они с Настей общаются с друзьями, как за ними наблюдают Эвенсоны, у которых она служит, и вдруг неожиданно у него вырывается фраза: “О Насте... Я вспо-

⁴⁵ М.-М. В. Дневник. 9 ноября 1947 г. С. 651–652.

минаю ее слова: «Лучшее дело в твоей жизни, – что ты познакомила меня с Л.И.» (он говорит о ее словах, сказанных Варваре. – Н. Г.). Увы! Я боюсь, что ей придется иначе об этом говорить. Она, кажется, совсем не туда попала, куда бы ей следовало. Она так молода. Явилась сюда с блестящими глазами, с такими... (*Обрыв текста.*)”

В следующем письме Лев Исаакович разворачивает обстоятельства, которые несколько сбивчиво разъясняют брошенную фразу о новом присутствии Насти в его жизни. Подробности, возможно, были на пропавших страницах, потому что здесь о главных событиях почти не говорится (мы можем только догадываться о них из контекста). Перед нами лишь чувства и эмоции автора. Мы приводим главный отрывок письма и выводы из него: “Если я согласился взять Настю, то потому, что не мог решиться вслед за одной такой ужасной потерей, понести другую. Я не раз писал Вам, как я привязался к Насте. Думать, что я разбил ее жизнь – было мне невыносимо. И тем не менее наш разрыв был уже решенным делом. Она могла уехать в Воронеж, а я – в Москву (я писал Вам). Но потом все переменялось. Я увидел, что покинуть ее, значить разбить ей сердце. И я покорился необходимости. Не знаю, хорошо ли это или дурно – не для меня, а для Насти. Она сама Вам объяснит. Теперь она будет со мной месяц или больше в разлуке. Если ей покажется, что она может забыть меня – мы простимся навсегда. Я не стою и того, чтоб иметь возможность работать или жить для другого, дорогого мне, как и Вам ребенка. Я большой грешник, чем Вы. И я знаю, за это казнит меня Бог. И я даже не смею просить пощады. Но пусть бы он меня одного казнил. При чем же Вы тут, при чем Настя? Почему мною отяготил он Вас? *Почему Насте нужен я – воплощение несчастья* (выделено мной. – Н. Г.). Но иначе Бог не мог казнить меня. До встречи с Вами я нес свое горе так, что никто и не подозревал ничего. Бывали минуты, часы, когда мне становилось душно, страшно. Но потом я забывал все, уходил в себя. Так разве это было наказанием. И Бог наказал меня иначе. И это было ужасно. Он заставил меня погубить Вас. Мучить и терзать Вас”.

В следующих строках этого сумбурного письма Лев Исаакович объясняет Варваре, что теперь он уже навеки потерял надежду. Что он внутренне умер, застыл, погиб...

Поймите все это, родная, и не упрекайте напрасно ни себя, ни меня. Вы думаете, что Вы мучили меня. Господи – да разве то, что Вы мне сделали есть муки. Ведь одно Ваше ласковое слово – и я все забывал.

Он говорит, что она приносила ему только счастье. Получалось так, что это письмо выглядело как прощальное письмо любви от Льва Исааковича Варваре. Дальше между ними предполагалось что-то совсем иное.

Восстанавливая события, которые стали развиваться стремительно, можно предположить, что по инициативе Насти произошло резкое сближение (вспомним темперамент Льва Исааковича). Возможно, случилась физическая близость, которая была принята девушкой за настоящее обручение. Шестову ничего не оставалось, как эту реальность принять. Он уже однажды разрушил одну жизнь, и теперь все повторялось. Значит, он должен изменить дурной ход событий. А как же Варвара? Вот тут начинается самое мучительное.

Все последующие эпистолярные выяснения (об этом можно судить только косвенно) говорят о том, что Варвара была очень задета изменившимися отношениями. Она даже просит прощения у Льва Исааковича за прошлые обиды, за то, что, наверное, “мучала его” и была с ним холодна. То есть, боясь потерять его, она пыталась загладить свои прошлые вины перед ним. На ее покаянные речи он буквально изливает потоки слез.

Настя, по всей видимости, тоже пишет обо всем сестре в Италию. Мы не знаем содержания этих писем; все, что известно, только отраженно, из писем Льва Исааковича. Видимо, в ответ Варвара посылает ему какие-то телеграммы, о чем свидетельствует фраза из его письма к ней:

Еще недавно, когда я вернулся из Москвы и застал Ваши телеграммы, смысл которых я не понимал еще, еще недавно я на глазах шурина своего рыдал над Вами, как женщина.

Надо сказать, что все раскрылось не только для Варвары, но и в первую очередь для семьи Шварцманов. Лев Исаакович объявил родителям, что собирается жениться на Анастасии.

Именно поэтому у младшей сестры возникает необходимость встретиться с Варварой, чтобы получить ее “благословение”: “Я сказал им, что Настя к Вам поехала за благословением, что Вы протестуете против того, чтоб мы жили невенчанными и т. д. (выделено мной. – Н. Г.)”.

То, что сестры встретились, подтверждается следующим письмом Льва Исааковича от 17 февраля, которое он пишет уже им обоим.

Варваре и Насте нужно было прояснить отношения и принять необходимое решение. И проблема, как оказалось позже, была даже не в родителях Льва Исааковича. Все стало мгновенно путаться. Сначала возникли взаимные подозрения, а затем попытки принести себя в жертву. Как выяснилось, несмотря на свои заверения о не отгоревшей любви к доктору (в чем была уверена и Настя), на самом деле Варвара терять Льва Исааковича не хотела, он много для нее значил. Просто она плохо еще это понимала. Потом она сформулирует так:

...у меня отношение к этому человеку было настолько глубоко и для всей внутренней жизни ни с чем несравнимо важно, что “отдать” его сестре без борьбы оказалось невозможным. И возгорелась борьба неописуемо жестокая тем, что наши души были как одна душа, что каждый удар, наносимый другому в борьбе, отражался такой же болью, как полученный возвратно удар. В этой борьбе окончательно подорвались душевные силы сестры, расшатанные предвзвешенно отрывом от матери, поступлением в партию, непосильной идейной нагрузкой...⁴⁶

Так увидела эту картину Варвара уже спустя много лет. Какой была эта борьба, история умалчивает. Но в этом свидетельстве есть еще одно необычное признание: “Человек, из-за которого мы боролись, сам переживал в это время – отчасти на почве этой нашей борьбы – огромный идейный кризис. В житейской области он предоставил нам решать, кому из нас выходить за него замуж (выделено мной. – Н. Г.). Перед сестрой он чувствовал вину, как перед девочкой, которой «подал ложные надежды» своим чересчур внимательным и нежным отношением, (я в это время была за границей и сама поручила сестру моральной опеке его). С моей стороны уязвляла и пугала этого человека неполнота моего ответа на полноту его чувства. И все это перенеслось для него в философское искание смысла жизни и в тяжелую нервную болезнь, которая привела его в одну из заграничных лечебниц и потом на целые годы за границу. Я «уступила», наконец, его сестре... (выделено мной. – Н. Г.)”⁴⁷

Нам неизвестно, на какие деньги Анастасия отправилась за границу к Варваре и вернулась оттуда (наверное, их дал ей Л.И.), как сестры встретились и о чем говорили. Одно несомненно: письмо Лев Исаакович адресует обоим. Он отправляет его из Житомира, где была еще одна фабрика отца. Там Шестов находился 17 февраля 1896 года.

Вот уже второй день я в Житомире, дорогие Вава и Настя. Вчера вечером начал было я писать вам письмо – но грустное настроение охватило меня и я бросил писать. Ведь у вас там и без меня невесело.

⁴⁶ М.-М. В. Дневник. 1 сентября 1934 г. С. 158.

⁴⁷ М.-М. В. Дневник. 1 сентября 1934 г. С. 158.

Слова “у вас там и без меня невесело” подтверждают мысль о том, что Лев Исаакович теперь ждет исхода своей судьбы, которая, как ему кажется, находится в руках сестер.

Само же письмо в такое сложное время почти целиком посвящено болезни и угасанию того самого друга Григория Работникова, который недавно так жестко его наставлял. Подробно, тоном старшего брата Лев Исаакович рассказывает Варваре и Насте, что бывают в жизни вещи пострашнее любых бед: неизлечимая болезнь, которая мучит молодого человека, а также самоотверженность служения жены Работникова, которая помогает ему во всем. Интересно, что Лев Исаакович, описывая эту беззаветно любящую женщину, конечно же, показывает сестрам, обремененным сложными интеллектуальными поисками, каким он вдруг увидел подлинный идеал женского служения мужчине. Удивительно то, что, столкнувшись с новыми трудностями и противоречиями на своем пути, Шестов вдруг увидел, как прекрасны простые и ясные чувства между мужчиной и женщиной, которые тогда стали так его притягивать. И судьба услышит его.

Нам до конца не ясно, какое “благословение” Настя получает от сестры и с чем возвращается в Киев.

А Лев Исаакович уже в Киеве, где в доме Шварцманов происходит нечто загадочное. В архиве библиотеки Сорбонны есть трагическая записка сына отцу. Может быть, она написана после скандала и разрыва?

[Начало 1896]

Дорогой папаша!

Приходи скорее ко мне. Хорошее слово, о котором ты пишешь – вот оно: я без твоего согласия ничего не сделаю. Я это и мамаше сказал и тебе повторяю. Мы поступим по общему согласию и навсегда останемся теми же, чем были друг для друга⁴⁸.

Куда надо было прийти? Неизвестно.

К тому не совсем понятному инциденту, который предшествовал конфликту Льва Исааковича с родителями в феврале – начале марта 1896 года, он будет не раз возвращаться в письмах отцу и матери из-за границы, но все равно многое остается туманным.

Вне всякого сомнения, что, во-первых, он не хотел, чтобы его отношения с Настей стали известны, это произошло случайно.

Я думал, что вы об этом и не узнаете, и примиритесь с той мыслью, что я останусь неженатым. Ведь вовсе уже не такое несчастье видеть сына неженатым. Но вмешался случай, вы все узнали.

Во-вторых, он неоднократно повторяет, что теперь он страдает “душевным расстройством”.

А душевное расстройство обращало меня в мертвеца или полу мертвеца, который ничего не видит, не слышит и не понимает.

В-третьих, Лев Исаакович, безусловно, был унижен грандиозностью своего падения. Родители предприняли меры, чтобы скрыть в Москве его незаконного сына. На глазах всего семейства только что развивался роман с Варварой – и вот теперь новая история с Анастасией!

Из письма отцу:

⁴⁸ *Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Léon Chestov. Ms. 211/1, 1896. Fs. 62.*

Ты видел, каким я был в Киеве. Я сидел по целым дням в своей комнате, мне страшно было выходить на люди – разве этого одного мало, чтобы поверить мне и разве еще нужно доказательств каких-нибудь? – теперь мне не только не лучше; мне много хуже и с каждым днем все ухудшается мое положение⁴⁹.

Точнее всего он выразит свое состояние в личной записи от 1899 года: “Специфическое наказание для идеалистических, мечтательных, но страстных натур – унижение и позор”⁵⁰.

“Пока было весело, причина и следствие все объясняли; с ними было лучше, чем с Богом, ибо они никогда не корили. Но каково жить с ними в горе? Когда несчастья, одно за другим, обрушиваются на человека, когда бедность, болезни, обиды сменяют богатство, здоровье, власть? Каково Иову, покрытому струпьями, лежать на навозе, с страшными воспоминаниями о гибели всех близких?” – задает он себе насущные вопросы в статье о Шекспире.

За несколько месяцев до всех драматических событий в “Киевском слове” вышла статья Л.И. о Гамлете, Шекспире и его критике Брандесе⁵¹. И как уже говорилось выше, в нем он энергично обличал принца Датского в пустом философствовании и в нежелании действовать тогда, когда само Небо взывает к нему.

Конечно, это был разговор в первую очередь с самим собой. И, кроме того, он стремился преодолеть в себе все то, о чем говорил ему Работников: аморфность, слабость характера, страх перед волей отца. Теперь он решает действовать. Бежит из дома за границу.

В семье уверены, что произошло самое ужасное: он уехал, чтобы соединиться с православной девицей. Старший сын, надежда семьи, теперь откажется от иудейства и женится на русской девушке.

⁴⁹ *Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Léon Chestov. Ms. 211/I, 1896. Fs. Ms. 66.*

⁵⁰ *Piron G. Léon Chestov. Philosophe du déracinement. L'âge d'homme. C. 431.*

⁵¹ Статья “Георг Брандес о Гамлете” была опубликована 25 декабря 1895 г.

Бегство

*Я “уступила”, наконец, его сестре...
Из дневника Варвары Малахиевой-Мирович*

Он бежал за границу, сказав родителям, что уехал лечиться. У него тяжелая душевная болезнь, он может сойти с ума. Родители не верили. И правильно делали, что не верили. Болезнь лишь скрывала его истинные намерения.

Лев Исаакович действительно решил воссоединиться с Настей, но не сразу, а подождать, пока все утихнет. С одной стороны, он очень хотел поступить по отношению к ней честно. С другой, устал быть один, метаться. Он был готов к браку, пусть и к несчастливому. Где-то в глубине души его грело тайное чувство, что в новом раскладе найдется место тесным и дружеским отношениям с Варварой. И что теперь они станут неразлучны.

Любил ли он Настю? Нет. Об этом он недвусмысленно написал Варваре. Но и Настя, видимо, очень скоро поняла, что оказалась меж двух огней, на пути какой-то огромной силы, которая сминала и ломала ее. Она запечатлела свое состояние в некоем стихотворении-вызове, обращенном к Варваре. В начале 1900-х годов оно было опубликовано в журнале “Северные цветы”⁵².

сестре

...Где, скажи мне, былая корона?
Кто низвел меня с пышного трона?
И в простую одежду одел,
И рассудку внимать не велел?

Что глядишь ты с печалью такою?
Я кажусь тебе странной, больною?
Золотистую пряжу пряхи
Суждено мне на этом пути.

В золотистую пряжу из света
Я должна, я хочу быть одета!
Подожди... Ты увидишь меня
Королевой лазурного дня.

Непонятно, как Лев Исаакович уехал из дома. Ночью, чтобы никто не увидел? Тайно собрал вещи и скрылся?

Вероятно, сначала он оказался в окрестностях Вены. Вслед ему летели письма родителей с требованием вернуться и жить попрежнему. Нам известны лишь его ответы. Письма отца и матери не сохранились.

Он пишет матери, устав от ее обид:

Дорогая мамаша!

⁵² Северные цветы: Альманах книгоиздательства “Скорпион”. 1902. С. 127–128.

Только что получил письма от Мани и Сашы⁵³ и пересылаю тебе их. Прилагаю тебе конверт со своим адресом. Напиши мне несколько слов. Мы так нехорошо простились. Отчего, если и у тебя горе, и у меня горе – мы должны страдать отдельно, как будто бы каждый думал только о себе? Разве мне не больно, что я причинил тебе столько горя...

И в следующем:

Я получил твое письмо. Если бы ты знала, что за радость была бы для меня исполнить твое желание и поехать теперь в Киев. Но я чувствую, что это неисполнимо. Я не могу ехать в Киев, хотя я хочу все сделать, чтобы тебе было легче. Разве я не чувствую, как тебе тяжело и что тебе тяжело именно потому, что ты так же не можешь дать мне свое благословение, как и я теперь, несмотря на все свое желание, не могу ехать в Киев. И мне теперь еще тяжелее. У меня два горя – твое и свое. Я стал несчастным с тех пор, как понял, какая у меня болезнь и что значит она. И теперь, когда увидел, что ты так поражена моим поступком, я вдвойне несчастен. У меня на сердце вечно, непрерывно сидит какой-то червяк и сосет, сосет без конца. Я хожу, разговариваю, ем, пью – но червяк грызет и не перестает...

Но есть вещи, которые человек не в силах вынести. И это – мое горе. Оно такое, что с ним я не могу примириться. С Настей мне будет легче. Она любит меня – я знаю это – и сумеет мне помочь. Как же мне эту помощь оттолкнуть, без которой я не сумею жить⁵⁴.

Горе – это болезнь, о которой идет непрерывный разговор. Настоящая душевная, страшная болезнь, с которой непонятно, как жить и как примириться.

Дорогая мамаша!

Я писал и говорил тебе только одну правду. Настя теперь в Воронеже, у своей матери. Я ее не мог вызвать, если бы даже и хотел, так как у меня не было денег. Володя⁵⁵ не послал Работникову ничего, и он там остался один, умирающий, без гроша. Так я принужден был из своих послать. Теперь у меня всего сорок гульденов – следовательно, я не мог ее выписать, если бы и хотел.

Я живу в деревне. Здесь недурно. И не дорого, по крайней мере. Здоровье мое плохо.

Лев Исаакович переезжает в Карлсбад, и родители отправляют к нему мужа сестры Мани, Владимира Евсеевича Мандельберга, врача, чтобы он на месте проверил, действительно ли положение их сына настолько серьезно. После его приезда Лев Исаакович пишет матери:

Апрель 1896

Карлсбад

Дорогая мамаша!

Наконец, приехали мы в Карлсбад и как будто бы кончились все странствования и волнения. На самом деле оказалось совсем не то. Сейчас мы были у доктора. И выходит, что мне в Карлсбаде совсем нечего делать... Здоровье мое надорвано – и надорвано сильно. Если не принять теперь все меры, потом, может, уже поздно будет. Мне тридцать лет, а я еще не жил. Если оставить все в таком положении, если не найти средства к выходу, значит мне никогда уже не жить. Восстановить свое здоровье, устроить свою жизнь я могу или теперь, или никогда.

⁵³ Шварцман Мария (Маня) Исааковна (1863–1948) – сестра Л.И. Шестова; была замужем за Владимиром Евсеевичем Мандельбергом, врачом. Шварцман Александр Исаакович (1882–1970) – младший брат Л.И. Шестова, музыкант.

⁵⁴ *Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Léon Chestov. Ms. 211/1, 1896. Fs. Ms. 66.*

⁵⁵ Имеется в виду В.Е. Мандельберг, муж сестры Л.И. Марии Исааковны Шварцман.

Он снова возвращается к главному для себя:

Я слишком измучен, слишком истерзан всем тем, что так неожиданно обрушилось на меня. Но я еще хочу бороться за право на жизнь и, может быть, если не все будет против меня, я еще добьюсь чего-нибудь.

Жить без Насти я не могу. Этой девушке я обязан всей жизнью, больше, чем жизнью. Если бы ее не было, один Бог знает, что произошло бы со мной. Она в самую тяжелую минуту жизни, когда я был готов на все, когда я был так же близок к помешательству, как и к смерти, подошла ко мне и спасла меня своей любовью. Если мы разошлись бы, это значило бы, что я навсегда, на всю жизнь отказался бы от брака. Конечно, люди доживают свой век и холостыми. Но люди и в богадельнях проводят весь свой век. Для меня же теперь уйти от Насти значило бы запереться в тюрьму, чтобы никогда не видеть больше света. Скажи же мне, неужели ты захочешь пожертвовать предрассудкам общества всей жизнью твоего сына? А ведь только эти предрассудки стоят между мной и Настей. Она редкая, удивительная девушка. Я убежден, что не будь она случайно христианкой, ты сама бы оценила ее. Но это не поправить и нужно примириться. При других обстоятельствах – этого не случилось бы. Но что же делать? Теперь я чувствую – все мое спасение в Насте. И ты можешь либо помочь мне, либо помешать. И вот о чем я прошу тебя. Летом мне необходимо отдохнуть и укрепиться. Для этого я должен быть предоставлен самому себе. И лучше всего мне это время провести в Житомире, а не за границей. Я могу найти там дачу с купаньем...⁵⁶

⁵⁶ *Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Léon Chestov. Ms. 211/1, 1896.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.